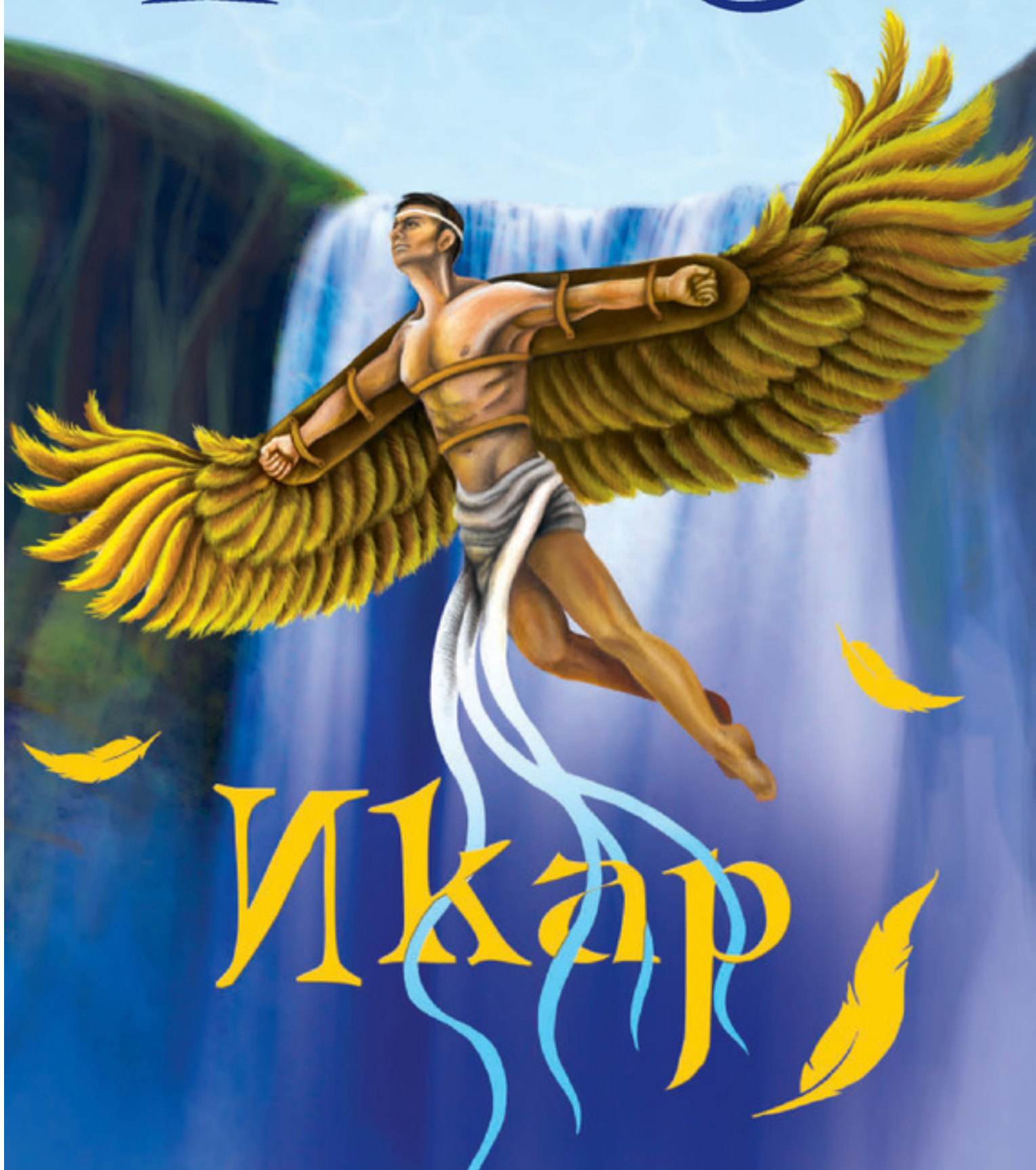

Филероа

АЛЬБЕРТО
ВАСКЕС

Икар

Альберто Васкес-Фигероа

Икар

«РИПОЛ Классик»

1998

Васкес-Фигероа А.

Икар / А. Васкес-Фигероа — «РИПОЛ Классик», 1998

Драматичная и увлекательная, основанная на реальных событиях история освоения одного из самых загадочных мест на планете – венесуэльской Гвианы, где находятся древние столовые горы тепуй, вершины которых до сих пор таят секреты... Легендарный американский летчик Джимми Энджел прибывает в Гвиану в поисках золота и алмазов, найденных когда-то на одной из горных вершин. Он отважен, находчив и неутомим. Какие испытания ему предстоит пройти, чтобы сделать былью свою давнюю мечту? Потрясающий, захватывающий роман о выживании человека в экстремальных условиях, на пределе его возможностей.

© Васкес-Фигероа А., 1998

© РИПОЛ Классик, 1998

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Альберто Васкес-Фигероа

Икар

Alberto Vázquez-Figueroa

Icaro

© Alberto Vázquez Figueroa, 1998

© Перевод. Родименко Т. В., 2015

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

*Эл Вильямс, Джон МакКрэкен, Джимми, Вирджиния и Мэри
Эйнджел, Дик Карри, Феликс Кардона, Густаво Генри по прозвищу
Веревка и Мигель Дельгадо – реальные люди.*

*В этой книге мне хотелось прикоснуться к их почти невероятной
истории.*

Часть первая

Стая красных ибисов вспорхнула с дерева.

По зеленому покрову сельвы словно заскользили языки пламени.

Ибисы устремились на север.

Навстречу им летели грузные белые цапли, и в какое-то мгновение пути их пересеклись.

Красные ибисы пролетели выше, длинноногие белые цапли – под ними, почти задевая кроны деревьев.

Зеленый, красный, белый, а добавить сюда где желтые, где фиолетовые пятна распустившихся орхидей, – и все вместе сливается в пестрый ковер под голубыми небесами. А там, в вышине, в этот час ни облачка.

Ни тени ястреба.

Или орла.

Даже самуро¹.

Тишь да гладь.

Покой и в небесах над сельвой, и на поверхности широкой реки, которая течет себе, извиваясь, не ведая иных забот, кроме как отражать солнечные лучи, посылая их на пролетающих над водой цапель и ибисов.

Царство света, мира и цвета в ста метрах от земли.

А ниже, где широкие листья деревьев начинают просеивать яркий свет, льющийся сверху, и каждому лучу приходится пробиваться самостоятельно, в тщетной попытке коснуться земли, картина совершенно меняется: свет с каждым метром уступает место мраку, цвет – оттенкам тускло– и густо-серого, а покой обманчив, ибо повсюду таятся смерть и насилие.

Бурая, цвета гниющих листьев и остатков плодов, топь, в которую стараниями бесчисленных дождей превратилась почва джунглей, на какое-то мгновение расцветила блестящими красными и черными кольцами: это бесшумно проползла ядовитая коралловая змея – и тут же исчезла в тухляком нутре уже много лет как мертвого дерева.

Тукан следил за ней, почти не поворачивая головы.

Рыжебородый ревун² в тревоге метался на ветке.

Ленивец³ решил-таки передвинуть на несколько миллиметров свои мощные когти, чтобы, зацепившись за ветку, продолжить свое неспешное восхождение к далекой кроне арагуаней⁴.

Приползли тучи.

И зарядил дождь.

И зазвучала вековая песня леса, неутомимое «бум-бум» миллионов крупных капель воды, барабанивших по листу. Скатившись по нему, они падали в пустоту, ударялись о следующий лист, вновь скатывались и устремлялись вниз – и так на протяжении пятидесяти или шестидесяти метров: их путь к заболоченной земле мог прерываться до бесконечности.

¹ Самуро, или черная катарга, – разновидность стервятника. – Здесь и далее примеч. пер.

² Ревуны – род широконосых обезьян, обитающих в лесах Латинской Америки. Имеют хорошо развитые горловые мешки, играющие роль резонаторов.

³ Ленивы – семейство млекопитающих, эндемичное для Латинской Америки. Конечности с мощными когтями служат для подвешивания в горизонтальном положении на ветках. Малоподвижные, медлительные звери, с деревьев спускаются крайне редко, иногда всю жизнь проводят в кроне одного дерева.

⁴ Арагуаней, или табебуйя – род вечнозеленых деревьев. В тропиках Латинской Америки около 100 видов. Цветки яркие и крупные. С 1948 г. является национальным символом Венесуэлы.

Каждый удар сам по себе был едва слышен, зато их оркестр – самый большой на свете – оглушал лесных обитателей.

А тут еще гром.

И удар молнии.

И треск рухнувшего исполина, который целое столетие тянулся к небу, а она свалила его в мгновение ока.

Вода.

И снова вода.

Воды все больше и больше.

В реке.

В месиве под ногами.

В воздухе.

Вода пропитала кожу, все тело и кости.

Шлепанье босых ног по грязи, хруст веток, хлопанье крыльев всполошенных попугаев – и вот из-за толстого самана⁵ появился, тяжело дыша, промокший человек. Пробормотав что-то сквозь зубы, он остановился передохнуть.

Тощий, кожа да кости, воспаленные, глубоко запавшие глаза, ноги в загноившихся язвах – ну прямо живые мощи, прикрытые лохмотьями. Того и гляди упадет лицом в грязь и испустит дух прямо здесь, в самой чаще леса.

Но он не упал.

Он лишь прислонился спиной к саману и задрал голову, чтобы сориентироваться, и это в сельве, где взглядом зацепиться просто не за что.

Возьми любое дерево: оно ничуть не приметнее соседнего.

Любая ветка похожа на тысячи других.

Любой лист ничем не выделяется среди миллионов подобных.

Любой просвет – копия предыдущего, а следующий – такой же.

Сельва куда однообразнее пустыни и даже моря.

От этого однообразия голова идет кругом, и впору сойти с ума.

Однообразие сельвы доконало многих; змеи, пауки или ягуары и то сгубили меньше народа.

Но этот доходяга, эта тень, жалкое подобие человека, каким он был когда-то очень давно, неспешно обвел вокруг цепким взглядом (такой появляется у тех, кто не один год провел в сельве), а затем взмахнул длинным тесаком, который столько раз точили, что от широкого лезвия осталась лишь узкая полоска, сделал размашистую засечку на уровне головы.

И пошел себе дальше.

Пошел без суеты и спешки, усталой походкой человека, который уже бог весть сколько прошагал; и его упорство в конце концов было вознаграждено: спустя полчаса зеленая стена вдруг раздвинулась, словно пышный занавес гигантского театра, и взору путника открылась великолепная картина, какую в жизни не видывал никто из белых людей.

Разинув рот он опустил на толстую ветку, несколько раз провел рукой по блестящей лысине, недоверчиво поморгал и что-то невнятно пробормотал, а потом чуть ли не час просидел как зачарованный: все никак не мог поверить, что это не наваждение.

А зрелище, представшее его взору, на самом деле превосходило самый что ни на есть невероятный сон.

– Так это правда! – наконец проговорил он себе под нос. – Так и есть. Мать всех рек течет с неба.

⁵ *Саман* – дерево с толстым и коротким стволом и раскидистой (шириной до 80 м) и густой кроной; называется еще «дождливым деревом» из-за того, что его листья складываются перед дождем.

Немного погодя он поднялся и пошел обратно.

На этот раз он действительно заспешил, поскольку тени сельвы стали сгущаться, торопя приход ночи.

Под конец человек уже двигался с трудом: падая и поднимаясь, отдуваясь и чертыхаясь, он уже почти в темноте добрался до берега речушки и рухнул рядом с утлой пирогой из древесины чонты⁶. Его товарищ – совершенно изможденного вида, лежавший на носу лодки, – еле слышно, словно на последнем издыхании, спросил:

– Что с тобой? Ты как самого черта увидел.

Лысый, видно, запыхался, и ему потребовалось какое-то время, чтобы отдышаться. Наконец он хрипло проговорил:

– Самого черта – нет, а вот Мать всех рек, да, видел.

Изнуренный спутник долго смотрел на лысого и, по-видимому, понял, что тот говорит серьезно.

– Так, значит, эта легенда тоже правда...

Его товарищ чуть заметно кивнул:

– Она берет начало прямо на небе, и, скажу по правде, я в жизни такой красоты не видел. – Потом он закрыл глаза и погрузился в глубокий сон.

Джон МакКрэкен даже не пошевелился.

Он слишком обессилел, чтобы попытаться выбраться из лодки, поэтому только смотрел на неподвижное тело друга, зная, что, когда тот сморен усталостью, как сейчас, его и пушками не разбудишь.

Они уже много лет были вместе.

Слишком много!

Десять? Двенадцать? Пятнадцать?...

Он уже давно и счет потерял, хотя в действительности просто-напросто утратил представление о времени.

И даже приблизительно не мог бы сказать, какой сегодня день, месяц или год.

Единственное, что он помнил точно, – это то, что осенью 1902 года они с Элом Вильямсом прибыли в душный и болотистый порт Гуаякиль⁷, намереваясь найти несметные сокровища Руминьяуи⁸, которые, если верить старым хроникам, все еще лежали в огромной пещере где-то в районе Льянганатес, в глубине эквадорской Амазонии⁹.

В конце 1700 года двое моряков – шотландцев, как и он, МакКрэкен, – вернулись в Лондон и привезли с собой алмазы и изумруды. По их словам, сокровища, которые им пришлось оставить в той далекой пещере, не смогла бы перенести на себе и сотня человек.

Месяц за месяцем, год за годом, неудача за неудачей, эта богом проклятая сельва в эквадорских горах, самая суровая и негостеприимная из всех существующих на земле – не случайно здесь выживают только обезьяны, ягуары и летучие мыши-вампиры, – подтачивала их с Элом силы и скручивала в бараний рог. А кончилось все тем, что она исторгла их из своего лона, когда в них уже мало что осталось от тех сильных, смелых, безрассудных и решительных парней, которые когда-то отважились проникнуть в нее, полные иллюзий.

⁶ *Чонта* – разновидность пальмы.

⁷ *Гуаякиль* – крупный эквадорский город, расположенный на реке Гуаяс, в 50 км от ее впадения в залив Гуаякиль Тихого океана. Основан в 1535 г.

⁸ *Руминьяуи*, Ати Пильяуасо (ум. 1535) – вождь эквадорских индейцев, убит испанскими конкистадорами. Согласно легенде, спрятал от испанцев сокровища инков.

⁹ *Амазония* – природная область в бассейне р. Амазонка на территории Бразилии, Колумбии, Эквадора и Перу. Площадь около 6 млн км².

Пришлось им довольствоваться мытьем золотого песка в водах реки Напо¹⁰ – а дело это ох какое муторное и неблагодарное, – гнуть спину, только чтобы прикопить денег и обновить снаряжение, купить новое оружие, а затем отправиться дальше вниз по реке до слияния Напо с могучей Амазонкой.

По Амазонке они доплыли до Манауса: в ту пору это был не город, а сказка, а все благодаря каучуковой лихорадке, и еще через шесть месяцев поднялись по Риу-Негру¹¹ к неизвестным горам грозного Гвианского щита¹², вечно окутанного туманом. Говорили, будто в том далеком краю отчаянным храбрецам – «тем, кто и вправду не робкого десятка», – удавалось отыскать золото и алмазы и разбогатеть.

Сколько же воды утекло с тех пор?

Сколько тягот они испытали, сколько болезней, сколько ночей провели без сна, мучаясь от сознания, что лучшие годы жизни потрачены на погоню за несбыточной мечтой?

Сколько же тысяч километров они отмахали?

Сколько страдали от жары и голода?

Сколько – от укусов насекомых и всяких болячек?

И все это время, которое и вспоминать-то тошно, сколько раз их выручало чувство локтя и преданность друг другу!

Ни одного косого взгляда, ни слова упрека; даже в мыслях ни у одного из них не было послать все к черту, ведь своим упрямством они подстегивали друг друга: посмотрим-посмотрим, кто первым воскликнет: «Больше не могу!»

Да ведь язык не повернется!

Разве можно отказаться от мечты, которую они так долго лелеяли?

Как смириться с ненавистой мыслью о том, что придется несолоно хлебавши вернуться в цивилизацию, с которой их уже ничего не связывает?

Они жить не могли без сельвы и гор; привыкли к одиночеству, привыкли часами сторожить сон товарища, чутко прислушиваясь и не выпуская винтовку из рук. Их дружба была настолько искренней и беззаветной, что вряд ли где-то еще она могла проявиться сильнее, чем в этих диких краях, забытых Богом и людьми.

Уроженец Уэльса Эл Вильямс и шотландец Джон МакКрэкен принадлежали к странной породе первопроходцев – отчаянных искателей сокровищ и при этом романтиков, которыми двигала любовь к приключениям. Для таких людей гора, на которой никто не бывал, или неизвестное племя каннибалов имеют такую же ценность, как золотой самородок или сказочный алмаз.

Иными словами, материального богатства им мало. Им подавай новые ощущения; они мечтают увидеть что-то небывалое и изведать что-то недоступное простым смертным.

Однако сейчас у них попросту не было сил.

Они совсем выдохлись.

И здоровье стало ни к черту.

В чем только душа держится.

Джунгли выжимают из человека все соки, и как бы ни был он крепок телом и духом, жара, влажность, лихорадка и москиты рано или поздно возьмут свое – сломят его волю и подорвут его силы.

А до дома-то путь не близкий!..

Впрочем, до какого дома, если у них никакого дома в жизни не было?

¹⁰ *Напо* – река в Эквадоре и Перу, левый приток р. Амазонка.

¹¹ *Риу-Негру* – река, левый приток р. Амазонка. Протекает главным образом в Бразилии, в среднем течении служит границей между Колумбией и Венесуэлой.

¹² *Гвианский щит* – выступ докембрийского фундамента в северной части Южно-Американской платформы, образующей Гвианское нагорье.

Да уж, занесло их на самый край света!

И МакКрэкен, охраняя сон друга, все гадал, что это за река, на берегу которой они устроили привал, и куда она течет.

А та текла себе потихоньку на запад, то есть в глубь континента, а значит, искала главное русло – может, великую Ориноко или все ту же Риу-Негру, которая, как они считали, осталась позади уже много месяцев назад.

В забытой богом Гвиане можно было только теряться в догадках, потому что никогда не существовало никаких карт, границ или троп, а поскольку их не существовало, ничто не указывало на присутствие дикарей, которые могли бы внести ясность, откуда и куда устремлялись темные воды.

«Я только что видел Мать всех рек», – сказал Эл Вильямс, перед тем как рухнуть без сил. И хотя до них уже не один год доходили слухи о таинственной реке, которая брала начало чуть ли не на небе, никто не мог толком объяснить, где она протекает и где завершает свой путь.

С равным успехом могло оказаться, что их занесло в Бразилию, Венесуэлу, Колумбию, а то и в какую-нибудь из Гвиан¹³, ведь они уже целую вечность бродили по сельве, не выбирая пути, и ни разу не встретили хоть одного человека, чьим словам можно было доверять. Вот и получилось, что они утратили способность – нет, не ориентироваться, а определять расстояния.

Миллиарды деревьев.

Десять миллиардов лиан.

Мириады ручьев, речушек, водопадов и потоков.

Видимо-невидимо болот.

И одиночество.

Это и есть джунгли, которые протянулись от Карибского моря до берегов Ла-Платы¹⁴ и от длинных волн Атлантики до снежных вершин Анд.

Сельва и одиночество!

Если подумать, одно подразумевает другое, ведь притом что на земле не было другого места, которое бы так густо населяло несметное число разных тварей – прежде всего насекомых, в большинстве своем еще неизвестных науке, – не было и более пустынного места для людей, приехавших сюда из далекой Британии.

Где сельва, там и одиночество!

Семь тысяч километров в длину и пять тысяч километров в ширину – четыре Европы; Шотландия на этой территории уложилась бы раз тридцать.

Кто же подсчитает, не боясь ошибиться?

А впрочем, какой прок в подсчетах, если неизвестно, что ждет их с Элом за ближайшим поворотом реки?

Когда человек попадает в окружение столь пышной растительности, которой нет конца и края, он обычно либо падает духом от сознания собственной ничтожности, либо, наоборот, начинает ощущать себя исполином, рядом с которым пятидесятиметровая сейба¹⁵ – просто жалкая былинка.

Эла Вильямса и Джона МакКрэкена бросало, и довольно часто, из одной крайности в другую. Впрочем, мужество чаще одерживало верх над унынием, и благодаря ему они и оказались в этом глухом углу гвинейского массива, проделав путь почти в шесть тысяч километров по самым непроходимым и опасным джунглям на свете.

¹³ Гвианы – это бывшая британская Гвиана, с 1966 г. независимое государство Гайана; бывшая голландская Гвиана, с 1975 г. независимое государство Суринам; французская Гвиана, заморский департамент Франции.

¹⁴ Ла-Плата – эстуарий, образованный при слиянии р. Уругвай и р. Парана. Длина – 290 км от слияния рек до Атлантического океана. Образует часть границы между Аргентиной и Уругваем.

¹⁵ Сейба – название нескольких видов деревьев; в Венесуэле так называют хлопковое дерево, которое вырастает до 60–70 м.

Только вот сил оставалось все меньше.

Приступы лихорадки и дизентерия подтачивали даже душу.

Амебы прочно обосновались в желудке.

Язвы на ногах загноились до нестерпимости.

Однако это сейчас не имело значения!

Вопреки всем предсказаниям они одержали победу.

Большую победу.

Поразительную, трудную и почти невероятную победу после великого множества поражений.

На рассвете Эл Вильямс открыл глаза и спросил (рта его не было видно за многомесячной серой бородой – только желтоватые зубы):

– Ну что, поплыли?

– Поплыли!

Уэльсец столкнул куриару в воду, вспрыгнул на корму, сжал в руке весло и направил утлый челн – прямое темное бревно пальмы, выжженное изнутри, – прямо в середину потока – на тот случай, если из чащи вдруг вылетит стрела или острое копье.

И тогда, не поворачивая головы, шотландец попросил приятеля:

– Расскажи мне о Матери всех рек.

– Она течет, как и говорили, с неба, – ответил тот, – откуда-то даже выше темных туч, и образует мощную струю, которая на середине пути превращается в дождевую пыль, а та вновь собирается у поверхности земли...

Он замолчал.

Джон МакКрэкен поразмыслил над тем, что услышал, а потом, видя, что товарищ больше ничего не говорит, спросил:

– А что еще?

– Больше ничего. – Уэльсец пожал плечами: мол, извини, друг, что так получилось. – Уже темнело, и мне пришлось возвращаться, – оправдываясь, добавил он. – Зрелище и в самом деле поразительное, но это все, что я увидел. Одно могу сказать тебе точно: она низвергается с высоты более двух тысяч футов.

– Никто тебе не поверит, – изрек приятель.

– Но ты мне веришь?

– Конечно!

– Этого достаточно.

Эл Вильямс, похоже, давно привык считать, что его мир вращается вокруг друга, который столько лет делил с ним неисчислимые тяготы, и поэтому больше ничье мнение не имеет значения.

Он стал свидетелем невероятного зрелища, которое до сих пор не видел ни один «цивилизованный», однако описывал его крайне скупое – он вообще был человеком немногословным, – не придавая своему открытию ни малейшего значения.

Раз у его товарища не было сомнений в том, что его незатейливый рассказ ни на йоту не отступает от правды, совершенно не важно, что там будут думать другие.

Легенда оказалась правдой.

Мать всех рек существует.

Он видел ее собственными глазами.

И совсем необязательно верить во вторую часть легенды, предрекавшую смерть в полнолуние «тому, кто сподобился увидеть Мать всех рек».

На его взгляд, это было всего лишь глупое суеверие, выдумка чистой воды.

Существовала еще и третья легенда, которая утверждала, что Аукайма – Священная гора, на которой золото и алмазы тайком играют свадьбы, – никогда не позволит белому человеку осквернить ее своим присутствием, а он именно это и сделал.

Они с Джоном МакКрэкеном ее видели, побывали наверху да еще и запустили руки в ее сокровища – золото и алмазы.

Аукайма!

Хвала Господу!

Аукайма!

Он закрыл глаза и в который раз воскресил в памяти волшебное мгновение, когда первый утренний луч пробился между двумя каменными глыбами и осветил скрытый под ними поворот речушки, которая заискрилась, словно бесшумная россыпь фейерверков.

Если бы не этот луч, речушка не засверкала бы именно тогда, когда они проходили мимо, и они бы не заметили, что там, прямо у них под ногами, природа миллионы лет копила желтый металл и прозрачные камни, которые человек сделал главным мерилom роскоши и красоты.

Узкое жерло с почти треугольным отверстием служило входом в извилистую пещеру, глубину которой определить было невозможно. Казалось, будто самый алчный из олимпийских богов копил в ней несметные сокровища – уму непостижимо, для чего только ему понадобилась такая прорва.

Тесный канал, образовавшийся в каменной плоти горы в результате какого-то доисторического катаклизма, таил в себе столько золота и столько алмазов, что как представишь – голова идет кругом, а он, Эл Вильямс, его обнаружил.

Случайность?

Когда десятилетиями преследуешь свою мечту и наконец ее осуществляешь, пусть даже с помощью тоненького солнечного лучика, это вряд ли можно считать случайностью.

Это воздаяние за их усилия. Заслуженная награда за бессонные ночи, долгие переходы, изнурительную жару и тысячу хворей, одолевших их тела.

За годы борьбы.

– Что ты чувствуешь теперь, когда стал богачом?

Ответа не последовало.

Шотландец спал, и, возможно, как раз поэтому, зная, что тот спит, Эл Вильямс и решился задать ему такой вопрос.

Он вовсе не горел желанием услышать ответ.

А то еще, чего доброго, его товарищ, с которым они не разлей вода, возьмет и скажет, что собирается вернуться в холодный горный край, откуда его когда-то выгнала нужда.

Сам-то он уж точно никогда не вернется в Уэльс.

Ни бедным, ни богатым.

Ни живым, ни мертвым.

Он любил теплые края, густую сельву и бескрайние просторы, которые изредка – когда, случилось, деревья расступались – открывались взгляду.

Он любил ибисов и цапель.

Спокойные реки и бурные потоки.

Он любил опасность и ненавидел страх, который испытывал при одной мысли о том, что друг, с которым Бог связал его одной веревочкой, захочет навсегда покинуть эти края.

Без него бродить по сельве будет уже совсем не то.

Только представишь себе, как пробираешься сквозь заросли в полумраке, зная, что сзади тебя уже никто не прикроет, и сразу теснит дыхание. Или что не сможешь сомкнуть глаз, потому что другая пара глаз уже не будет сторожить твой сон, и на душе начинают скреститься кошки.

Любовь порой расставляет коварные ловушки.

Особенно когда любовь – как в этом случае – была не чем иным, как дружбой в ее самом чистом проявлении.

У Эла Вильямса никогда не было ни жены, ни постоянной любовницы, даже своих родителей он не знал.

Жизнь не дала ему ничего, кроме самого благородного и глубокого чувства, каким можно одарить человека: дружбу с себе подобным, чтобы было с кем разделить радость и горе. Вот почему никакое золото, никакие алмазы не окупили бы потерю такой дружбы.

Он всегда думал, что они вечно будут бродить вслед за несбыточной мечтой.

Легендарное сокровище Руминьяуи, золото реки Напо или алмазы Гвианы превратились в голубую мечту, к которой они все шли и шли, почти уверенные в том, что никогда ее не достигнут.

Важна была не столько цель, сколько то, что они шли одной дорогой.

Но сейчас эта цель плыла с ними.

Дорог больше не было.

Возможно, в конце этой глубокой реки находилось море, на другом краю которого рождались берега Англии.

Конец реке!

Конец сельве!

Конец привычной жизни, которую никто, кроме них, не понимал!

Джон МакКрэкен открыл глаза, проследил за черной уткой, которая сорвалась с высокой ветки и стрелой ушла под воду, и обернулся, чтобы с легкой улыбкой окинуть взглядом человека, находившегося у него за спиной.

– Что ты чувствуешь, став таким богатым? – спросил он.

Он прочитал его мысль.

Как тысячи раз за все эти годы.

Как всегда.

В любое мгновение оба знали без слов, что думает другой, и это не раз спасало им жизнь.

Слова были им не нужны.

Даже жесты или взгляды.

Оба всегда знали, что спросит и что ответит товарищ, хотя это не означало, что они уже все сказали друг другу.

Никто и самому-то себе всего не высказывает, хотя и живет в одном теле и с одной душой девяносто лет.

А они, два тела и две души, знали все вопросы и ответы, но никогда не уставали друг от друга так же, как умный человек никогда не устает от самого себя.

– Мне грустно, – ответил уэльсец. – Подозреваю, что так бывает всякий раз, когда достигаешь цели, которую не ожидал достичь.

– И что же мы теперь будем делать?

– Искать другую цель.

– Где?

– Откуда я знаю!..

Зверей сморил сон.

Птицы клевали носом.

Рыбы спали.

Джон МакКрэкен мерно посапывал.

Дремал и Эл Вильямс.

В жаркие тропические ночи нелегко забыться сном, однако в душный полдень, когда солнце стоит прямо над головой и доводит тебя до изнеможения, так же трудно сохранить ясность сознания.

В такие часы кровь течет в жилах еле-еле, как густой кисель, нервы не сразу передают приказы мозга, а сам мозг реагирует с таким опозданием, словно находится под действием алкоголя.

«Зеленое опьянение» – вот как обычно называют такое состояние почти полного физического изнеможения. Когда влажность становится чуть ли не стопроцентной, температура воздуха поднимается выше тридцати пяти градусов и в легкие проникает густой запах мокрой земли и буйной растительности, дурманя, как легкий наркотик (все из-за пыльцы самых разных растений: ее частицы во множестве витают в воздухе или растворяются в воде), тебя неудержимо клонит в сон.

Это не лень.

Это бессилие.

Человек просто не в состоянии реагировать на опасность, но, к счастью, мудрая природа устроила так, что в этот период даже самый голодный ягуар или ядовитая змея точно так же впадают в летаргию.

В жизни джунглей наступает затишье.

Что-то вроде передышки в жестокой борьбе за выживание.

Мир словно погружается в неподвижность и возвращается к обычному ритму только с наступлением вечера.

Опасности нет.

И все-таки она существует.

Она здесь, рядом, неосоздаваемая и невидимая, страшнее дикого зверя, потому что это чудовище никогда не дремлет.

Ни ночью, ни днем, ни даже в самый знойный полдень.

Эл Вильямс, который сидел на корме, опустив голову на грудь, ничего не почувствовал.

Но Джон МакКрэккен, который лежал на дне лодки под небольшим навесом, открыл глаза, хотя его сон на самом деле был более глубоким.

Вот что значит опыт!

Человек, проплывший тысячи километров по рекам сельвы, давно привык спать, прижав ухо к корпусу лодки: тот служил резонатором, позволяющим уловить самые далекие шумы потока.

Вначале это было всего лишь тихое журчание, вздох или жалоба раненой воды, однако вскоре оно превратилось в барабанный бой где-то по ту сторону горизонта, и тогда шотландец вскочил и повернулся к своему витавшему где-то другу.

– Проснись! – крикнул он. – Просыпайся, Эл!.. Просыпайся!

Оглушенный уэльсец вздрогнул.

– Что случилось? – спросил он, инстинктивно взводя курок винтовки.

– Пороги!

– О, господи!

Он отложил винтовку и схватил весло, но как только опустил его в воду, осознал, насколько велика опасность.

Меньше чем через сто метров река стряхивала с себя сонную одурь и впадала в ярость.

Ее пробуждение было бурным, непонятно чем вызванным: на первый взгляд ничего не изменилось, перед глазами стояла все та же картина, что и раньше.

Деревья, сплошь одни деревья до самой воды, ни тебе даже кромки песка, которая бы позволила определить, где проходят настоящие берега. Однако за очередным поворотом они попали в гигантский желоб, и их понесло напрямик к далекому облаку брызг и пены.

С чего это вдруг поверхность земли так резко пошла здесь под уклон?

Где они вообще находились?

Сколько лет длилось их плавание, но они ни разу – с тех пор как покинули среднее русло Напо, еще там, в далеком Эквадоре, – не встречали такого резкого перепада. На всем пути гигантская Амазонка изменяла уровень разве что на несколько метров, тогда как сейчас поверхность земли словно проваливалась перед носом куриары, как будто они летели с вершины громадной американской горки.

Напрасно они пытались приблизиться к берегу.

Берега-то, собственно, и не было.

А были только толстые бревна, о которые они могли разбиться, а еще дальше – острые камни и огромные осклизлые плиты, угрожавшие разнести лодку в щепы.

Они боролись.

Боролись, как боролись до сих пор – уже бог весть с какого времени – с бесчисленными трудностями, только на этот раз бой явно оказался слишком неравным, потому что природа демонстрировала неукротимость, и их понесло, словно лист, подхваченный вихрем.

Они гребли вовсю: один с левого борта, другой – с правого, призвав на помощь последние остатки сил из самой глубины уже давно истощенных тел, однако от одного только вида стремнин, длинных и яростных, у них стыла в жилах кровь.

– Гребь, гребь, гребь!

Легко сказать, даже делать, но ты попробуй добиться результата, когда водный поток с каждым мгновением разгоняется все больше и в итоге несется вихрем; при этом мозг просто не успевает отдавать команды.

Когда уж тут действовать?

Рефлексы не срабатывают.

Некогда даже помолиться.

Или чертыхнуться.

Пустота, которая не была пустотой, поскольку была заполнена белой пеной, влекла их к себе, и они опрокинулись в нее, широко открыв глаза от ужаса перед смертью, которую столько времени обводили вокруг пальца.

В последнее мгновение, когда оба поняли, что все напрасно, они выронили весла и схватились за руки в прощальном порыве дружбы. От слов толку было мало: они потонули бы в грохоте воды.

Раздался жуткий треск, лодка раскололась, словно яичная скорлупа, и Эл Вильямс с Джоном МакКрэкенем оказались в воде.

Какие-то десятые доли секунды они еще держались вместе, но вскоре течение их разъединило, и через несколько мгновений они потеряли друг друга из виду.

Их выталкивало вверх, бросало в сторону, они то уходили под воду, то выныривали...

Кричали, барахтались, звали друг друга...

Истекали кровью, кашляли, отплевывались.

И вдруг наступила тишина.

Черная и глубокая тишина.

Холодная тишина, предвестница смерти, поскольку у смерти ледяное дыхание даже в душных сельвах, где текут темные реки с теплой водой.

Смерть всегда поджидает в конце всех дорог, хотя их путь на самом деле был слишком уж долгим – стоит ли удивляться, что смерть не отказала себе в удовольствии подстеречь их в тот самый момент, когда они достигли цели.

Эл Вильямс понял, что ему пришел конец, как только очнулся.

Он тихо застонал и попытался поднять голову, ища глазами друга, но заметил, что ни одна мышца тела ему не подчиняется, и он теперь лишь угасающий мозг, запертый в черепе.

Вода, с силой шмякнув его о камень, сломала ему позвоночник.

Он был живой труп, а это в сто крат хуже, чем быть мертвым.

Скатывающееся к горизонту вечернее солнце слепило ему глаза, и, только когда высокое облако, сжавившись, на несколько секунд заслонило солнце, он разглядел красное пятно колибри: птица застыла в воздухе и так часто махала крылышками, что их нельзя было увидеть.

Ну разве это не насмешка?

Жестокая насмешка судьбы: он обнаружил, что больше не властен над своим телом, ничем не отличается от камней, лежащих на песке, и, пожалуйста, первое, что он видит, это проворная колибри, которая вдруг исчезла, словно дротик, пущенный в воздух.

Темно-зеленые листья и желтоватый цветок – вот и все, что теперь было доступно его взору, а спустя несколько минут он уже точно знал, что это вообще последнее, что ему суждено увидеть.

Когда прошло первое мгновение смятения и к нему полностью вернулось сознание, он, человек, привыкший сопротивляться трудностям, не стал цепляться за призрачную надежду, уверенный в том, что его позвоночник переломился, как тростник под тяжестью ботинка.

За десятые доли секунды он превратился в растение, которое может думать, или растение, наделенное памятью. Оставалось только выяснить, сколько времени он продержится, прежде чем сбегутся лесные звери и сожрут его.

Кайманов здесь не было, в этом он был уверен.

Кайманам не нравятся черные быстрые воды.

Они предпочитают тихую илистую воду.

Но были еще ягуары, анаконды и многочисленные стада диких свиней – грозные пекари с мощными клыками, которые в два счета проглотят его живьем.

Проклятие. Не хватало еще, чтобы его съели свиньи.

– Джон! – тихо прошептал он. – Где ты, Джон?

Однако старый друг, который ни разу его не подвел, единственный человек на свете, способный помочь ему избежать такой участи, как закончить жизнь в утробе пекари или ягуара, не откликнулся, а значит, уже наверняка покоился на дне реки.

Какая досада!

И это когда им наконец удалось разбогатеть!

Прожить жизнь в бедности, чтобы умереть богатыми, – что может быть нелепее?

Хотя ведь они всю жизнь поступали неразумно.

Начало темнеть.

Скоро звери покинут убежища, прибегут на запах крови и начнут грызть ему ноги, которых он даже не чувствовал.

«О Господи! Почему Ты уготовил мне такой конец?

Разве Тебе мало моих страданий за все эти годы?

О Господи! Сделай так, чтобы не темнело».

Но темнота сгушалась, и вот, когда он перестал различать желтый цвет цветов, до него дошло, что сегодня полнолуние, а ведь согласно старой легенде тому, кто видел Мать всех рек, уже не суждено увидеть следующую полную луну.

А джунгли – это такое место, где легенды, как правило, приобретают силу закона, потому что никакие законы здесь не признаются.

– Джон! Где ты, Джон? Почему ты меня не защищаешь?

Столько лет он чувствовал себя рядом с ним как у Христа за пазухой, и на тебе, в самую тяжелую минуту оказался беззащитным.

Это несправедливо!

Несправедливо, что верный товарищ позволил унести себя течению и бросил его на растерзание стервятникам и свиньям.

Он почувствовал себя преданным.

Джон МакКрэкен не имел права умирать, покинув его в таком скверном положении.

Никакого права!

Джон МакКрэкен был просто обязан остаться в живых и поспешить к другу на помощь, чтобы выстрелом в голову избавить его от часов страха и страдания.

А потом, если угодно, мог утопиться или повеситься на дереве.

Или отдаться воле течения – пускай уносит его в море.

Но сначала ему следовало выполнить давнее обещание и всеми силами охранять сон друга.

– Джон! Где ты, Джон?

– Вот он я.

Ночь уже наступила, поэтому Эл Вильямс не мог разглядеть такое дорогое его сердцу изможденное и обросшее бородой лицо.

Его нервная система больше не работала, поэтому он не почувствовал, что друг с силой сжимает его руку.

Только голос, неповторимый хриплый голос, единственный голос, который он слышал на протяжении нескольких лет, принес его душе покой.

Теперь свиньи его не сожрут.

И стервятники не выключают ему глаза.

А ягуары не будут следить за ним из темноты.

– Джон, я умираю!

Их дружбе исполнилось уже столько лет, что лгать не имело смысла.

Даже из жалости.

Они прошагали вместе тысячи километров, зная, что Старуха дышит им в затылок, – к чему теперь отрицать, что она все-таки их настигла?

Она была здесь, сидела на песчаном берегу, смотрела на огромную луну, которая уже показалась по ту сторону озера, и терпеливо ждала, когда уэльсец Эл Вильямс заплатит по счету, по которому приходится платить любому живому существу.

И самое противное было не то, что Старуха приперлась получить свою мзду – этого все равно не избежать, – а то, что она, как водится, предъявила счет в самый неподходящий момент.

Единственный человек, которому выпала честь подняться на Священную гору и увидеть Мать всех рек, не сможет воспользоваться своими открытиями из-за какой-то дурацкой легенды.

Шотландец, по-видимому, понял, что сжимать руку друга бесполезно, поэтому ласково погладил его по лицу. На этот раз умирающий почувствовал прикосновение и попытался улыбнуться.

– Мы далеко продвинулись, правда? – чуть слышно прошептал он.

– Очень далеко.

– И стали богатыми?

– Очень богатыми.

– А кокосы?

– Где-то здесь... Вода вынесла их на берег.

– А куда мы попали?

– На озеро. Оно широкое и глубокое. Стремнины и водопад, с которого мы ухнулись, остались южнее, а здесь тишь да гладь. Река вытекает с северо-восточной стороны.

– А куриара?

– Разнесло в щепы.

– Как же ты отсюда выберешься?

– Какое это имеет значение?

– Для меня имеет... – уверенно сказал уэльсец. – Сейчас меня волнует только одно: чтобы, по крайней мере, один из нас двоих вышел победителем.

Джону МакКрэкену хотелось ответить, мол, какая там победа, когда один из нас умирает, но он промолчал. Быть богатым – даже вдвойне богатым теперь, когда ему не с кем делить сокровища, – на его взгляд, было в тысячу раз хуже, чем до конца жизни оставаться бродягой.

Они долго вынашивали мечту, но она обернется кошмаром, если завтра ему суждено проснуться одному.

Луна дрожала на поверхности воды.

Эл Вильямс спал.

Джон МакКрэкен плакал.

Плакал впервые, сколько себя помнил.

Старуха, сидевшая на песке у кромки воды, затряслась от удовольствия. Ничто так не тешит ее пустую душу, как слезы людей, которые страдают, когда у них забирают тех, кто им дорог.

Смерть питается горем, словно пиявка кровью, и обожает слезы, особенно если это слезы сильного и мужественного человека, каким проявил себя шотландец.

Джон МакКрэкен положил голову друга себе на колени, гладил его по лицу – каждая родинка и каждая морщинка на нем были ему до боли знакомы – и сдерживал рыдания, кусая губы, чтобы хоть как-то справиться с горем.

На рассвете Старуха ушла, получив то, что ей причиталось.

Эл Вильямс даже не открыл глаза, чтобы в последний раз взглянуть на луну.

Чудесное озеро с темной водой, белым песком и гордыми пальмами, плюмажи которых трепал легкий утренний ветерок, – все вокруг дышало покоем, а сидевший на берегу человек застыл от горя, продолжая держать на коленях тело друга.

Попугаи ара и туканы ждали, что будет дальше.

Солнце поднималось все выше.

От воды шел густой пар, который перемещался в сторону юга.

На мертвое тело тучами садились мухи, и МакКрэкен пытался их отогнать, машинально взмахивая рукой.

Послышался легкий всплеск.

В широком створе реки появилась длинная лодка, в которой гребли трое полуголых туземцев.

Они медленно подплыли и пристали к берегу в пяти метрах от шотландца.

Спрыгнули на землю и, встав в ногах покойного, долго глядели на него в почтительном молчании.

Потом тот, который, по-видимому, был у них за главного, невысокий мужчина крепкого телосложения, жестами сообщил шотландцу, что ниже по реке много людей, похожих на него.

В завершение он показал рукой на пирогу, вручил шотландцу самодельное весло, которое держал в руке, и быстрой походкой направился в чашу в сопровождении своих товарищей.

Только тогда Джон МакКрэкен решил, что пора навсегда похоронить свое прошлое.

Джимми Эйнджел – Король Неба – был среднего роста и наделен потрясающей физической силой. У него были каштановые волосы, очень светлые глаза, огромные руки, однако больше всего притягивала к себе внимание насмешливая улыбка, лишь изредка исчезающая с его губ; из-за нее создавалось ложное впечатление, будто он ни к чему не относится серьезно.

По свидетельству его бесчисленных друзей, эта улыбка доставила ему немало неприятностей, хотя также помогла выйти из множества передряг, поскольку при знакомстве с ним

люди обычно реагировали по-разному: либо сразу проникались симпатией, либо испытывали непреодолимое желание двинуть в зубы.

Впрочем, двинуть в зубы Джимми Эйнджелу, честно говоря, было довольно затруднительно. Мало того что он был силен как бык, еще он владел большинством трюков и приемов, которые пускали в ход почти во всех пивных и борделях на свете, поскольку ему не раз пришлось испытать их на собственной шкуре.

Джимми был весельчаком, жизнелюбом, выдумщиком, человеком увлекающимся и отважным, хотя зачастую излишне самонадеянным.

Поэтому в тот вечер, когда он шумно гулял в компании нескольких приятелей и полудюжины пышнотелых мулаток и какой-то человек в безукоризненно белом костюме, остановившись возле него, сказал хриплым голосом: «Меня уверяли, будто вы лучший пилот на свете и сумели бы приземлиться даже на стол...» – Джимми тут же нашелся:

– Сначала придется убрать стаканы.

Хотя имя его уже прогремело на трех континентах, этот самоуверенный ответ впоследствии добавил ему еще больше популярности.

Кто-то много лет спустя заикнулся было о том, что эту фразу следовало выбить на его надгробии, однако в действительности у Короля Неба никогда не было надгробия, даже могильного камня, чтобы выбить на нем хотя бы слово.

– У вас найдется пара минут, чтобы поговорить? – не отставал от него франт в белом костюме, на груди которого красовалась золотая цепь от часов, больше смахивавшая на якорную.

– Сейчас? – удивился летчик.

– А когда же еще? – невозмутимо ответил незнакомец. – Мне сказали, что на рассвете вы летите в Боготу.

– Так оно и есть... – подтвердил Джимми, рывком поднявшись с места. – Я на секунду! – объявил он. – И смотрите у меня: тому, кто дотронется до Флоральбы, шею сверну.

Он вышел на просторный балкон, глубоко вдохнул в себя густой воздух панамской ночи, обвел взглядом широкую бухту, в которой десятки судов дожидались очереди, чтобы пройти из Тихого океана в Карибское море, несколько раз тряхнул головой, словно желая прояснить сознание, обернулся к незнакомцу с необычной золотой цепью и сказал:

– Я вас слушаю.

– Как бы вы отнеслись к предложению заработать пятнадцать тысяч долларов?

– Откровенно говоря, идиотский вопрос, – ответил американец, продолжая улыбаться. – И как вы наверно понимаете, я оставил друзей вовсе не для того, чтобы выслушивать глупости. Кто же не хочет заработать такую сумму? Только вот мало кому удастся. К чему вы клоните?

Его собеседник оперся о балюстраду и тоже с наслаждением пару раз втянул в себя воздух, не сводя взгляда с бухты.

– Если вы без лишних вопросов отвезете меня в то место, которое я назову, приземлитесь именно там, где я скажу, и доставите меня обратно в «цивилизацию», я заплачу вам эти самые пятнадцать тысяч долларов, – наконец сказал он. – И еще плюс процент от прибыли. – Он сунул руку во внутренний карман белоснежного пиджака, вынул толстую пачку банкнот и добавил: – Тут пять тысяч задатка.

– Мать моя! – невольно вырвалось у Короля Неба. – Вы, что называется, берете быка за рога. – На какую-то долю секунды вечная улыбка исчезла с его губ. – Но предупреждаю: я не занимаюсь контрабандой оружия или наркотиков.

– Это не имеет отношения ни к оружию, ни к наркотикам.

– Изумруды? Контрабанда колумбийских изумрудов?

– Тоже нет. Речь идет о вполне законном деле.

– Законном? – удивился летчик. – Какое «законное» дело приносит столько денег?

– Золото и алмазы.

Джимми Эйнджел уселся верхом на перила, явно рискуя свалиться вниз, прислонился спиной к ближайшей колонне и взглянул в упор на мужчину с рыжеватой, начавшей седе́ть бородой.

– Золото и алмазы? – проговорил он. – Контрабанда золота и алмазов? Чем это отличается от контрабанды изумрудов?

– Речь вообще не идет о контрабанде, – ответил тот, глядя собеседнику прямо в глаза. – Несколько лет назад мы с приятелем открыли большое месторождение золота и алмазов, какого больше нигде нет. К несчастью, мой друг погиб, не успев воспользоваться находкой, принадлежавшей ему по праву, ну а я стал богатым. – Мужчина вновь замолчал, потому что воспоминание об Эле Вильямсе все еще бредило ему душу, однако, справившись с волнением, он сказал: – Стыдно признаться, но я потратил деньги на всякую ерунду и теперь желаю только одного: вернуться на то место. Имею на это законное право.

– А почему бы вам не отправиться туда пешком?

– Потому что я уже не молод. Сельва сурова, очень сурова, и, чтобы добраться до места, мне потребовалось бы идти два месяца – сил не хватит. Однако я убежден, что хороший летчик сумеет приземлиться именно там, где надо. А, судя по тому, что мне рассказывали, вы все еще Король Неба.

На этот раз Джимми Эйнджелу понадобилось время, чтобы обдумать услышанное. Он извлек из верхнего кармана своей коричневой рубашки старую замызганную и почерневшую трубку и, с особой тщательностью набив ее, раскурил, глубоко вдыхая дым.

– Интересно! – наконец произнес он. – Очень интересно! Пятнадцать тысяч долларов да еще и часть того, что вы добудете! Какая именно часть?

– Пять процентов.

– А почему не десять?

– Почему бы и нет? Надо будет только взять немного больше.

– Что, там так много?

– Вы даже не можете себе представить сколько!.. Килограммы золота и алмазов!

– Вы это серьезно?

Джон МакКрэкен положил на перила пачку банкнот и придвинул ее к собеседнику:

– А *это* вам кажется достаточно серьезным? За какое время вы заработали бы такую сумму на вашей нынешней работе?

– За месяцы!.. И куда же нам предстоит лететь?

– В одно место на гвианском плоскогорье.

– Это сельва?

– Наполовину сельва, наполовину саванна.

– Есть там хоть один настоящий аэродром?

– Ни одного, насколько мне известно.

– А как с заправками?

– Боюсь, что туго.

– Ну и задачку вы мне предлагаете!

– Было бы это легко, чего ради я приехал бы в Панаму! В Нью-Йорке тоже хватает хороших летчиков. Но мне нужен не просто хороший пилот, – ухмыльнулся человек, – мне нужен ас, способный приземлиться на столе, даже если сначала придется убрать стаканы.

– Вам нужен безумец, так что ли? – осведомился американец. – Сдается мне, что в Нью-Йорке вас уверили, что я дам фору любому безумцу.

– Так и есть!

– Милые ребята!

– Судя по тому, что я о вас слышал, они правы. Кто еще рискнул бы пересечь Анды на потрепанном войной «Бристоле»¹⁶?

– Разумеется, никто. Всякий раз, когда я поднимаюсь на одну из этих горок по пути в Боготу, душа уходит в пятки, и клянешься матерью, что в жизни больше не полетишь через горный хребет, даже приняв на грудь. И все же это не перестает меня завораживать.

– Обещаю вам, что наше путешествие будет еще более захватывающим.

– Допускаю! – Американец с силой всосал в себя дым, словно тот должен был придать ему вдохновение, в котором он нуждался, а затем отодвинул от себя пачку банкнот, будто опасаясь поддаться искушению. – Оставьте это у себя! – сказал он. – Мне завтра в рейс, жаль будет, если все эти деньги разметет по какой-нибудь заснеженной вершине. Поговорим, когда я вернусь.

– А когда вы вернетесь?

– Этого никогда не знаешь, дружище. Никогда не знаешь! Зависит от атмосферных условий, от того, будут ли поломки и как у нас будет обстоять дело с горючим... – Он пожал плечами: мол, ничего с этим не поделаешь. – Может, через неделю; может, через месяц; может, через год. Ведь следует учитывать, что на всем маршруте не существует ничего хотя бы отдаленно похожего на аэродром.

– Я не могу столько ждать... – Джон МакКрэкен облокотился на перила и слегка повернул голову, чтобы взглянуть на летчика. – А что, если я полечу с вами в Боготу? – спросил он. – А оттуда отправимся по нашему маршруту, сократив путь почти наполовину.

– Полетите со мной в Боготу? – переспросил Джимми Эйнджел, не веря своим ушам. – Вы хоть представляете, что значит штурмовать Анды на биплане, когда за тобой следуют еще два самолета, которыми управляют новички?

– Нет, даже отдаленно!

– А если бы представляли, вам в голову не пришла бы подобная идея.

– А вы представляете, что значит пройти шесть тысяч километров по сельве, где тебе и змеи, и ягуары, и речные пороги, и дикари-индейцы, и бандиты?

– Нет, абсолютно! Я даже по улице не передвигаюсь пешком.

– Так это примерно то же самое!

Король Неба уже внимательнее взглянул на франта: штиблеты у того блестели, воротничок был накрахмален, на галстук красовалась булавка с огромным бриллиантом. Казалось, летчик пытался сообразить, что же на самом деле представляет собой незнакомец.

– Вы похожи на человека, у которого есть все что нужно, – наконец сказал он. – И я нисколько не сомневаюсь, что в прежние времена вы бы ни перед чем не спасовали... – Он показал пальцем вверх: – Но только там, наверху, да еще и в Андах, дело обстоит совсем иначе. Человека одолевают слабость и головокружение. Машина-то старая и хлипкая, она и без того с трудом удерживается в воздухе, а если вдобавок у пассажира сдадут нервы – пиши пропало. Вы ведь это понимаете, правда?

– Понимаю, – кивнул шотландец, который, похоже, вовсе не собирался сдаваться. – Ваши опасения мне понятны, только на этот случай существует простое решение.

– Какое же?

– Я полечу без ремня безопасности, – спокойно ответил он. – И если вы вдруг решите, что из-за меня подвергаетесь опасности, вам надо лишь сделать мертвую петлю и выбросить меня в пропасть.

¹⁶ «Бристоль» – английский истребитель, детище самолетостроительной фирмы «Бристоль», созданной в 1910 г. по инициативе Дж. Уайта – одного из пионеров английской авиации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.